

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ЯЗЫКА С РЕАЛЬНОСТЬЮ

В.Г. Новоселов

Новосибирский государственный
технический университет

viktor-novoselov@yandex.ru

Статья посвящена семиотическому анализу понятий «значение» и «референция». На основании анализа делается вывод, что знак может отображать реальность только в процессе человеческой деятельности. Значение знака есть способ его употребления и интерпретации. С точки зрения теории означивания интерпретанты – это проверяемые и описуемые соответствия, ассоциируемые с другим знаком. Анализ содержания становится культурно-обусловленной операцией, которая осуществляется лишь с физически проверяемыми (воспринимаемыми) продуктами культуры, т.е. с другими знаками и их взаимными корреляциями. Процесс неограниченного семиозиса показывает, как означивание обрисовывает элементы культуры.

Ключевые слова: знак, значение, референция, смысл, интерпретант, обозначение, означивание

Одной из важнейших проблем, возникающих при анализе знаковых систем, является проблема соотношения знаков с объектами окружающего мира. Сколько бы мы ни говорили о языке, его роли в жизни людей, особенно – в познании, столько вынуждены обращать исключительное внимание и на то, как слова и выражения языка связаны с остальной частью мира, с реальностью – с тем, «о чем говорится на языке», т.е. об интенциональности знака. Естественной является предпосылка о том, что говорим мы не просто так, а о чем-то, познаем непременно что-то, и что наличие предмета разговора (или познания) как раз и отличает разговор или познание в собственном и полном смысле от чего-то, что только кажется таковым. Это допущение, скорее всего, можно считать главным фактором, обусловившим то обстоятельство, что чаще всего постулируемым типом связи языка и реальности

является соответствие (иначе, корреспонденция) и основанная на нем репрезентация. Понятие корреспонденции, введенное еще Аристотелем, подразумевает, что структуры языка каким-то образом соответствуют структурам реальности, о которой на этом языке может идти речь. Это предполагает прежде всего, что любые значимые изменения в реальности (понятой как предметная сфера языка) не оставляют незатронутым язык, и в нем происходят свои структурные изменения, как-то соответствующие первым. Привлечение понятия репрезентации подразумевает, что соответствие имеет вид отображения структуры реальности структурой языка – это, соответственно, означает, что мы не только можем заключать, воспринимая новые языковые конструкции, что с реальностью, в реальности что-то произошло, но и судить по этим конструкциям о характере изменений в мире.

Самым ярким результатом воздействия корреспондентно-репрезентативных представлений о связи языка с реальностью является концепция референции. Под референцией обычно понимают вид непосредственной связи языковых выражения с предметом в мире. В узком смысле эта связь может пониматься как характеризующая выражения таким образом, что они, будучи употреблены определенным образом в определенном контексте, указывают на один единственный объект в мире и больше ни на какой. В этом представлении изначально оказались смешанными по крайней мере два: с одной стороны, это – обобщение фактов успешных указаний на предметы с помощью таких выражений; с другой стороны – вызванное корреспондентно-репрезентативной моделью убеждение в том, что успехи таких указаний не случайны, а являются результатами существующего положения дел. Успешно и систематически указывать на что-то есть функция самих выражений, которые сами по себе обладают свойством быть непосредственно связанными с объектами, на которые они могут указывать, т.е. иметь их в качестве своих референтов. При этом в понимании референции можно выделить по крайней мере две трактовки:

1. Выражение может быть непосредственно связано отношением референции с одним единственным предметом или объектом в мире и больше ни с каким, так что только этот объект и никакой другой может быть его референтом при правильном употреблении;

2. Выражение может быть так связано с неким множеством объектов, возможно, даже не обязательно конечным – такое расширение референции обычно называют объемом или экстенциона-

лом термина¹. Такое представление о семантических характеристиках определенной группы выражений и, соответственно, определенной структурной части языка, в свою очередь, породило определенное направление в философском анализе языка, характеризующееся построением теорий референции. Поскольку это – теории, их задача не просто указать на определенный характер связи выражений с предметами, но объяснить его, т.е. выявить те факторы в мире, в языке или, быть может, в нас самих, которые обусловили такое положение дел.

Однако, если смысл референциальной теории значения в том, что имена признаются указывающими на нечто и благодаря этой своей характеристике имеющими значения, то оказывается неважным, на какого типа сущности они указывают. Между тем, наши обычные представления о мире таковы, что, если мы пытаемся судить о нем не через призму языка, то мы, как правило, отдаем должное тем различиям, которые называем онтологическими. На более высоком уровне дискурса мы можем различить их как сущности разных видов, относительно которых «существовать» значит каждый раз разное. Референциальные, согласно обыденным представлениям, слова и словосочетания между тем не фиксируют этих различий: «единорог» как имя грамматически ничем не хуже, чем «бык»; «мысль», «смысл» не отличаются грамматически от «стол» и «стул» и т.д. Мы можем с равным успехом обозначать таким образом предметы, обладающие различным онтологическими статусами, включая понятия о предметах. Очевидно, чтобы такие

¹ Лебедев М.В. Онтологические проблемы референции. / М.В. Лебедев. – М.: Практикс, 2001. – С. 19.

термины, как, например, «бык» и «едино-рог», отражали соответствующие онтологические различия, их значения – семантические характеристики – должны позволять устанавливать эти различия. Но, если значение термина состоит в его референции, то на каком основании такое может быть выполнимо? С другой стороны, у нас есть способы фиксировать нужные онтологические различия через утверждение различий между типами признаков, которые могут характеризовать те или иные виды сущностей и которые, скажем, для индивидуальных объектов, локализуемых в пространстве и времени, интуитивно не такие, как для смыслов или ментальных сущностей. На таких интуициях основано простое решение, к которому подчас прибегали философы, – провести демаркационную линию между существующим и несуществующим по этим качественным различиям. Но при таком подходе референция не гарантирует существования, и тогда, например «ничто», чье употребление в языке так сходно с употреблением имен, вполне может трактоваться как имя какой-то сущности (например, не существующей). Другие известные возражения против такого решения состоят в указании на следующую из него абсурдность не только утверждения существования относительно чего-то несуществующего, но и – отрицания его существования.

У.В.О. Куайн назвал проблемы такого рода проблемами «бороды Платона»: несуществующее в каком-то смысле существует, поскольку есть нечто, о чем идет речь². Но в каком отношении можно говорить о том,

что любой названный предмет существует постольку, поскольку является предметом указания?

Если теория референции принимает вызов со стороны онтологии, то она должна как-то решать и эти проблемы: относительно тех же факторов, которые, согласно данной теории, обуславливают референцию, должно устанавливаться, что они дают основания также и для проведения соответствующих различий в границах предполагаемой референциально значимой части языка. Эти различия должны быть проведены либо так, чтобы отсеять все, что только кажется референциальным, но не таково, поскольку предполагает признание нежелательных сущностей, либо – как-то иначе. Решать эти проблемы – онтологические проблемы референции – можно как минимум двумя способами: метафизическим – он состоит в том, чтобы искать факторы, обуславливающие референцию, в самом мире или в нас самих, но не в языке; второй заслуживает название аналитического (по названию той традиции, в рамках которой он получил наибольшее развитие в XX веке) – он состоит в поисках факторов указанного типа (иначе говоря, критериев) в самом языке.

Одно известное решение проблем означенного вида состоит в признании единиц языка не термина – не того, что предполагается референциально значимым, – а некоего объемлющего по отношению к термину целого – предложения, пропозиции или высказывания. Очевидное коммуникативное преимущество таких объемлющих единиц (чем бы их ни считали) состоит в том, что с их помощью мы можем решать определенные коммуникативные задачи без привлечения дополнительных теоретических предпосылок. Просто про-

² Куайн У.В.О. Онтологическая относительность / У.В.О. Куайн // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М., 1996. – С. 123.

изнести термин, как правило, бывает недостаточно для понимания того, что говорящий хочет сказать, тогда как произнесение предложения, включающего данный термин, с завидной регулярностью достигает нужного результата. При этом такие объемлющие единицы будут обладать различным семантическим статусом, по крайней мере, в одном существенном отношении: одно считается истинным, а другое – ложным. Так, Фреге признает, что значением предложения является его *истинностное значение*. Под истинностным значением предложения он понимает то обстоятельство, что оно является истинным или ложным. «Всякое повествовательное предложение, в зависимости от значений составляющих его слов, может, таким образом, рассматриваться как имя, значением которого, если, конечно, оно имеется, будет либо истина, либо ложь»³.

Если это различие принимается в качестве критерия онтологической значимости, то становится ясно, – как онтологически различаются выражения «бык» и «единорог». Однако значение соответствующих объемлющих единиц языка – не менее проблематичная материя, чем референция термина: условия определмости таких значений далеко не всегда ясны, и далеко не для всех языковых единиц такого рода. В этом случае вопрос может быть поставлен так: можно ли вообще считать составные значения определяемыми независимо от определенности составляющих их значений (терминов)?

Положительный ответ на этот вопрос подразумевает, что значение соответствующего составного целого непосредственно определяется его связями с чем-то вне

языка – с реальностью: этим вводится в рассмотрение другой вид корреспондентно-репрезентативных отношений – или же с каким-то еще более объемлющим целым. Это, в свою очередь, предполагает решение другого вопроса: можно ли рассчитывать на решение онтологических вопросов одним или другим способом, соответственно? Отрицательный ответ предполагает поиск таких семантических характеристик терминов, которые, с одной стороны, не нуждались бы в подпорке из онтологических предпосылок и, с другой – позволяли бы фиксировать требуемые онтологические различия: решение указанных проблем в этом случае остается делом теории референции.

В современной философской литературе вводится некоторое предварительное различие между тем, что может обозначаться термином «теория референции», и тем, чему может соответствовать понятие «теория значения»⁴. Поскольку для тех же выражений, которые, считаясь референциальными единицами языка, являются предметами теорий референции, могут существовать и существуют теории, объясняющие их значения без упоминания референции, уместно будет прояснить принципы демаркации между двумя видами теорий, из которых мы намерены исходить:

1. Теории значения предполагают, что предложения или высказывания являются первичными носителями семантического значения в языке, т.е. знать, что делает эти единицы языка значимыми, существенно для ответа на вопрос «Что может делать значимыми все остальные выраже-

³ Фреге Г. Смысл и значение / Г. Фреге // Избранные работы. – М., 1997. – С. 56.

⁴ Лебедев М.В., Черняк А.З. Стабильность языкового значения. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 25

ния языка (которые вообще могут иметь значения)?», но не наоборот. Теории референции, напротив, считают термины и другие выражения языка, из которых такие комплексы, как предложения или высказывания, могут состоять, первичными в аналогичном, но противоположном смысле – т.е. знать, что делает их значимыми, значит знать, по крайней мере, отчасти, в чем состоит значение предложения или высказывания. При таком понимании этого различия теории значения для выражений, предположительно, референциального типа, утверждающие, что другие факторы – не референция – конститутивны в отношении устанавливаемых значений, уместно подразделить на два вида. Первые – теории, строящие свои объяснения на основе предварительно установленных ролей соответствующих выражений в формировании значений более крупных языковых комплексов – предложений или высказываний, или пропозиций, если таковые признаются первичными носителями значения – будут теориями значения в указанном выше смысле. Вторые, скорее, обнаруживают признаки редуцирующих по отношению к понятию референции теорий, нацеленных на распределение характеристик, обычно связываемых с референцией, между другими факторами, но не обязательно с привлечением какой-либо более общей теории значения (в указанном выше смысле).

2. Если принимается отрицательный ответ на вопрос, можно ли считать составные значения определяемыми независимо от определенности составляющих их значений, то теория значения (для естественных языков), вероятнее всего, не может быть построена без опоры на какую-либо

теорию референции; в этом смысле референция конститутивна по отношению к значениям, по крайней мере, некоторых (но, видимо, весьма значительного числа) типов языковых выражений.

Исходя из различия теории значения и теории референции следует также различать понятия «предмет» и «объект». Под предметом предполагается понимать все, что может быть референциально связанным с выражениями языка, независимо от своего онтологического статуса, тогда как «объект» здесь обозначает не только качественно, но и нумерически, отличную от других единиц реальности, т.е. референт, индивидуация которого зависит от онтологического статуса, предписываемого соответствующими – предметными – качествами.

Большое внимание теории референции уделяется в рамках аналитической философии. На протяжении всей истории аналитической философии проблема значения была и остается одной из ее центральных тем. Семантические исследования последних десятилетий лишь раз подчеркивают неослабевающий интерес философов к этой проблеме. Можно без преувеличения сказать, что «антименталистская» критика «традиционной» теории значения является одним из наиболее важных событий в аналитической философии последнего времени. Начало этой критике положили создатели так называемой «новой теории референции», в число которых входит видный американский философ и логик Хилари Патнэм⁵.

Можно лучше понять место новой теории референции в контексте современ-

⁵ Макеев, А.Б. Семантические идеи Х. Патнэма // История философии. № 1. – М., 1997. – С. 98.

ных исследований по проблеме значения, если посмотреть на нее как на проявление одной важной тенденции в развитии философии языка. Со времен Декарта и Локка философы, как правило, придерживались той точки зрения, что слова и выражения нашего языка являются знаками идей и используются прежде всего для выражения наших мыслей. Дж.С.Милль и Г. Фреге положили конец такому пониманию языка, провозгласив, что наши слова служат для обозначения объектов в реальности, а не идей в нашем сознании. Основной функцией языка, с их точки зрения, является вычленение предметов в окружающем нас мире с тем, чтобы высказывать о них истинные утверждения. Поместив на место ментальных образов предметы окружающего мира, Милль и Фреге, однако же, не полностью изгнали идеи из теории значения. Так, согласно Фреге, значение слова представляет собой двухкомпонентное образование: слово обозначает некоторый объект и выражает некоторый смысл (или идею), т.е. то, что мы мысленно схватываем, когда понимаем слово. Под «знаком» Фреге понимает «любое обозначение, выступающее в роли имени собственного, значением которого является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова), но не понятие и не отношение»⁶.

В знаке выделяется две составляющих: смысл и значение, «...некоторый знак, (слово, словосочетание или графический символ) мыслится не только в связи с обозначаемым, которое можно было бы называть значением знака, но также и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака, содержащим способ данности

[обозначаемого]»⁷. Обозначение одного предмета может состоять также из нескольких слов или иных знаков. Для краткости каждое такое обозначение Фреге называет именем собственным.

По его мнению, смысл имени собственного будет понятен каждому, кто в достаточной степени владеет языком или совокупностью обозначений, к которым оно принадлежит; однако значение имен, если таковое имеется, освещается при этом лишь с одной стороны. Правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, – определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. Один и тот же смысл выражается по-разному не только в разных языках, но и в одном и том же языке. Правда, встречаются исключения из этой правильной связи. Разумеется, в совершенной совокупности знаков каждому выражению должен соответствовать лишь один определенный смысл, однако естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию. Таким образом, даже если понимается некоторый смысл, это еще не обеспечивает наличие значения»⁸.

Когда слово употребляют обычным образом, тогда то, о чем хотят сказать, является его значением. Но иногда хотят сказать что-либо о самих словах или об их смысле. Такое случается, например, когда мы передаем чужие слова посредством прямой речи. Тогда произносимые нами слова обозначают прежде всего слова другого человека, и только эти последние имеют обычное значение. В этом случае мы име-

⁶ Фреге Г. Смысл и значение. – М., 1997. – С. 57.

⁷ Там же, с. 58.

⁸ Там же, с. 59.

ем дело со знаками знаков. Таким образом, стоящему в кавычках словесному образу не может быть приписано обычного значения. До сих пор Фреге рассматривал смысл и значение только таких выражений, слов и знаков, которые он называл именами собственными. Теперь он обращается к вопросу о смысле и значении целого повествовательного предложения, которое содержит некоторую мысль. «Должны ли мы рассматривать эту мысль как его смысл или как его значение? Допустим, что предложение имеет значение. Если какое-то слово в нем мы заменим другим словом с тем же значением, но с другим смыслом, то это никак не может повлиять на значение предложения. Однако мы увидим, что мысль в таком случае изменится»⁹.

Таким образом, мысль не является значением предложения, ее следует рассматривать, скорее, как смысл предложения. Но как же тогда быть со значением? Можно ли вообще задаваться таким вопросом? Быть может, предложение в целом имеет только смысл, но не имеет никакого значения? Во всяком случае, можно ожидать, что найдутся предложения, которые – так же, как и некоторые их части – имеют смысл, но не имеют значения.

Следовательно, о значении предложения речь может идти только тогда, когда установлено значение его составных частей, и этот вопрос можно ставить тогда и только тогда, когда нас интересует его истинностное значение.

Фреге, таким образом, признает, что значением предложения является его *истинностное значение*. Под истинностным значением предложения он понимает то обстоятельство, что оно является истинным или ложным. «Всякое повество-

вательное предложение, в зависимости от значений составляющих его слов, может, таким образом, рассматриваться как имя, значением которого, если, конечно, оно имеется, будет либо истина, либо ложь»¹⁰.

Если же значением предложения является его истинностное значение, то все истинные предложения, с одной стороны, и все ложные предложения, с другой, будут иметь одно и то же значение. «Поэтому значение само по себе нас не интересует; однако и голая мысль, т.е. смысл сам по себе, тоже не несет в себе нового знания. Нас интересует только соединение мысли и ее значения, т.е. ее истинностного значения. Суждение можно рассматривать как переход от мысли к ее истинностному значению»

Таким образом, Фреге говорил о смысле как о способе проявления значения. Однако как может «проявиться» чистое значение – не образ и не представление? Очевидно, говоря о способе явления значения, не следует думать о проявлении какой-то сложной структуры внутри загадочного единства: значение подобно вещи и потому просто и неделимо. Сложными могут быть его системные взаимоотношения. Скажем, «синий» может проявляться в связи «синий/красный» (холодный/теплый цвет), «синий/белый» (цвет жизни/цвет пустоты) и т.д. Таким образом, смысл значения – это те системные связи, которые на данный момент актуализированы, и та категория, в рамках которой они объединены и противопоставлены.

Таким образом, любое употребление значения – осмысленно, то есть на каждый момент времени какие-то системные связи востребованы, а какие-то – нет.

⁹ Там же, с. 61.

¹⁰ Там же, с. 63.

Если мы сегодня зададимся вопросом, представляет ли собой слово форму различной или символической репрезентации информации, то, вероятнее всего, будет утверждаться последнее.

Большое внимание теории референции уделяет также Б. Рассел. В своей статье «Об обозначении» («On Denoting»)¹¹ Рассел вводит понятие «обозначающей фразы», под которой он понимает следующие фразы: человек, некоторый человек, любой человек, каждый человек, все люди, обращение Земли вокруг Солнца, центр масс солнечной системы в первый момент XX века и т.д. Такие фразы являются означающими исключительно в силу своей формы. Рассел выделяет три типа таких фраз:

- 1) фраза может быть обозначающей и все же ничего не обозначать;
- 2) фраза может обозначать определенный объект;
- 3) фраза может иметь двусмысленное значение¹².

Рассматривая теорию значения Фреге, Рассел признает, что его выделение в обозначающих фразах двух элементов – смысла (meaning) и значения – (denotation) в целом продуктивно, т.к. позволяет избежать нарушения закона противоречия. Следует отметить, кстати, что английский глагол 'mean' нельзя вполне точно перевести ни на французский, ни на немецкий язык. Ни один из следующих глаголов: 'meinen' [нем.: 'подразумевать'], 'bedeuten' [нем.: 'значить'], 'vouloir dire' [фр.: 'хотеть сказать', в перен. смысле 'означать'], 'signifier' [фр.: 'значить, означать'] – не является точным эквивалентом английского 'mean'.

¹¹ B. Russell // *Logic and Knowledge*. – London, 1956. – P. 34–52.

¹² Там же, p. 35

Тем не менее Рассел отмечает, что принятие точки зрения о том, что обозначающая фраза выражает смысл и обозначает значение, приводит к определенным трудностям в тех случаях, когда значение отсутствует. Может показаться, что такого рода суждения абсурдны. На самом деле они таковыми не являются в силу того, что их исходные гипотезы являются ложными. Таким образом, по мнению Рассела, если мы признаем, что обозначающие фразы имеют две стороны – смысл и значение, случаи, в которых, как кажется, значение отсутствует, вызывают трудности как в принятии того, что значение действительно присутствует, так и в принятии того, что оно отсутствует¹³.

Это понятие «смысла» (у Милля – понятие «коннотации») и образует тот «менталистский» элемент, который позволил ряду современных философов отнести теорию значения Фреге к картезианской «менталистской» традиции. Этот менталистский элемент еще более усилен постулатом Фреге о том, что смысл языкового выражения определяет его предметное значение, или, в современной терминологии, его референцию. Это следует понимать так, что референтом слова будет тот объект, который удовлетворяет характеристикам, включенным в смысл этого слова, т.е. смысл задает «путь» к референту, позволяет соотнести слово с определенным элементом мира. Своей семантической концепцией Фреге во многом задал парадигму всех последующих рассуждений о значении в рамках аналитической философии. В то же время в развитии философии языка после Фреге просматривается отчетливая тенденция избавиться от понятия смысла и, таким образом, довести до

¹³ Там же, p. 34

конца дело, начатое Миллем и Фреге. Это объясняется не в последнюю очередь тем, что понятие «смысла» не поддается выражению в формальном виде и его трудно анализировать логико-математическими методами. Поэтому аналитические философы, для которых строгость и точность анализа всегда были важными атрибутами метода философствования, стремились свести к минимуму или вообще устранить из теории значения понятие смысла. История аналитической философии в XX веке знает немало попыток представить отношение между языком и миром как прямое, не опосредованное никакими ментальными сущностями. Новая теория референции является очередной попыткой в этом направлении. Ее главный тезис не нов: референция важнейших категорий языковых выражений (имен собственных, терминов естественных видов и индексальных выражений) устанавливается без посредничества смысла. Новизну этой теории составляют способ обоснования этого тезиса и предложенный взамен механизм установления референции¹⁴.

Как уже отмечалось, новая теория референции была предложена как альтернатива традиционному подходу. Но что в данном случае понимается под «традиционной» теорией? Сторонники новой теории референции, как правило, указывают, что традиционная теория значения восходит к идеям Фреге и Рассела и представляет собой ту совокупность положений, которую обычно излагают в учебниках и справочных изданиях по семантике и на которую явно или неявно опираются современные философы, когда рассуждают о значении.

¹⁴ Макеева Л.Б. Семантические идеи Х. Патнэма // История философии. № 1. – М., 1997. – С. 98.

При формулировке традиционной теории современные авторы обычно используют не предложенные Фреге понятия смысла и предметного значения, а синонимичные им понятия интенционала и экстенционала, введенные Карнапом. Помимо тезисов Фреге о двух компонентах значения и об определении экстенционала интенционалом, традиционная теория, по мнению ее современных критиков, содержит также положение о том, что смысл (или интенционал) языкового выражения представляет собой множество дескрипций свойств и характеристик, которые присущи обозначаемому им объекту (или объектам). Это положение восходит к теории дескрипций Рассела, согласно которой даже обычное имя собственное является «скрытой» или «сокращенной» дескрипцией. Очень важную роль в традиционной теории значения играет понятие аналитической истины, которое позволяет описать механизм установления референции. Предложение считается аналитическим, если его истинность устанавливается на основе интенционалов входящих в него терминов. Если Р – свойство, входящее в интенционал термина Т, то утверждение «Все Т есть Р» является аналитически истинным, а в соответствии с традиционной трактовкой аналитической истины оно является априорным и необходимым. Отсюда следует, что обладание характеристиками, включенными в интенционал термина, образует необходимое и достаточное условие для отнесения объекта к экстенционалу данного термина.

Патнэм разработал свои критические аргументы и конструктивные семантические идеи применительно к терминам естественных видов. Термины естественных видов – это слова, служащие наименованиями

природных веществ, животных, растений и физических величин (например, «вода», «тигр», «лимон», «электричество» и т.д.). К этой категории языковых выражений относится большинство научных терминов. Помимо такой общей характеристики, не было предложено никакого строгого определения терминов естественных видов, однако специфику этих терминов призвана раскрыть их теория референции, которую поэтому и называют теорией естественных видов.

Итак, основная идея этого аргумента состоит в следующем: ни одно из свойств, обычно включаемых в интенционал термина естественного вида, не годится для аналитического определения этого вида, поскольку согласно традиционному истолкованию аналитической истины она должна быть априорной и необходимой, а ни одно из указанных свойств нельзя считать необходимым, так как принадлежность объекта к некоторому естественному виду может не зависеть от обладания этими свойствами. Однако интенционал слова может содержать дискрипции существенных свойств естественного вида, которые являются необходимыми.

Второй аргумент Патнэма против традиционной теории значения поднимает более глубокий пласт проблем. Согласно этому аргументу традиционная теория значения опирается на два допущения, которые не могут быть одновременно истинны. Первое допущение устанавливает, что понимание значения слова связано с пребыванием в определенном ментальном (или психическом) состоянии. Это допущение лежит в основе характерного для традиционной теории отождествления интенционала (или смысла) с концептом и в признании того, что концепты должны каким-то

образом опосредоваться ментальными репрезентациями. Второе допущение связано с тем фактом, что интенционал слова определяет его экстенционал, в том смысле, что интенционал образует необходимое и достаточное условие для вхождения объекта в экстенционал. Если принять указанные допущения, то нужно признать, что «происходящее в нашей голове» должно детерминировать то, на что указывают наши слова.

Однако, считает Патнэм, ментальное состояние не может определять экстенционал термина.

Обобщенно их основной тезис в решении этой проблемы можно сформулировать так: референция указанных выражений устанавливается благодаря внешним нементальным факторам.

Так, согласно Патнэму, в установлении референции терминов естественных видов участвуют два фактора: социальный (в силу того, что существует «разделение лингвистического труда») и природный (благодаря тому, что «сами естественные виды играют определенную роль в установлении экстенционалов терминов, которые на них указывают»). Патнэм рассуждает следующим образом. Согласно традиционной теории значения человек понимает некоторое слово, если усвоил его смысл. Но учитывая, что смысл слова часто представляет собой довольно сложную совокупность информации, следует признать, что очень небольшое число людей владеет смыслами и, следовательно, понимает слова. Тогда огромное большинство носителей языка можно было бы обвинить в том, что они не понимают те слова, которые используют. Но такое предположение, по мнению Патнэма, является абсурдным, поскольку для того, чтобы понимать и использовать слово, совсем необязатель-

но в полном объеме знать «фрегевский» смысл слова. Вполне достаточно, считает Патнэм, положиться на экспертов, которые владеют этим смыслом, а кроме того, владеют методом распознавания.

Новое решение, предлагаемое Патнэмом, уже полностью в духе Витгенштейна. Согласно этому решению значение лингвистических выражений является тем, что *показывает себя* в наших словах и предложениях. Когда мы слышим или читаем слова и предложения, мы не воспринимаем их как простые «звук и знаки», в которые должно быть «вставлено» значение, находящееся вне их и присутствующее в нашем сознании как некая «ментальная сущность». Мы воспринимаем значение в самих словах и предложениях, но отсюда не следует, считает Патнэм, что значение присуще им от природы. Наши слова и предложения обладают значением, потому что имеет место определенная «техника употребления», благодаря которой значение *показывает свое лицо* в них. Здесь Патнэм использует идею Витгенштейна о том, что мы можем «видеть лицо» одной деятельности в другой (как мы видим изображение человеческого лица в различных конфигурациях линий и точек). Одна деятельность может *показывать* себя в другой благодаря тому, что все виды человеческой деятельности тесно увязаны друг с другом, образуя сложную и разветвленную систему. Поэтому и мышление – это не отдельно стоящая деятельность, не поддерживаемая никакими другими видами деятельности. Оно вплетено в сложную систему практик как лингвистических, так и нелингвистических¹⁵.

Итак, на примере семантических идей Патнэма можно констатировать еще одну попытку изжить теорию значения от

менталистских допущений. Начав с отрицания того, что значения слов, представленные «ментальными образами» в сознании человека, определяют референцию этих слов, Патнэм постепенно пришел к нементалистской трактовке значения. Первым шагом в этом направлении было определение значений как концептов, которые представляют собой не «ментальные репрезентации», а знаки, употребляемые ситуативно надлежащим образом. Однако в этой позиции еще не полностью был изжит ментализм, поскольку предполагалась активная роль сознания (в частности, концептуальных схем) в создании окружающего нас мира. Поэтому следующим шагом было «вынесение» значения за пределы сознания и увязывание его с системой разнообразных человеческих практик, с тем фактом, что одна деятельность может *показывать себя* в другой.

Таким образом, нельзя не признать, что эта попытка избавиться от понятия смысла и связанных с ним «менталистских» допущений способствовала формированию более адекватного и глубокого представления о том, как функционирует язык и как осуществляется его взаимодействие с окружающим миром. Критика традиционной теории значения выявила реальные проблемы, связанные с дескриптивистской трактовкой значения. Но, по существу, новая теория референции содержит решение для наиболее простого случая, а именно – для случая обычного употребления имен, и не предлагает никаких путей решения этой проблемы в случае косвенной речи, хотя именно этот случай представляет наибольшую трудность для семантики. Да и конструктивные идеи сторонников новой теории референции связаны с довольно сильными

¹⁵ Там же, с. 104–112.

допущениями, истинность которых вовсе не очевидна.

Таким образом, с точки зрения теории референции, соотношение между языком и описываемым им миром есть отношение «изоморфизма» или отношение взаимно-однозначного соответствия (англ. *bimique correspondance*), т.е. такое соотношение между элементами (объектами) двух множеств (структур), когда каждому элементу первого множества некоторым образом может быть поставлен в соответствие один определенный элемент второго множества.

Следовательно, любой естественный язык, взятый как дискретная совокупность или множество определенных терминологий или подязыков, прежде всего, служит целям описания реального мира в целом и определенных онтологий или миров, т.е. его отдельных частей или предметных областей, в частности, и, как таковой, является знаковым коррелятом и субститутом неязыкового мира, т.е. символическим заместителем и репрезентантом мира в сознании пользователей языка. Иными словами, первичная и изначальная функция естествен-

ного языка – это функция описания неязыкового мира, поскольку любой непосредственно составляющий его подязык (терминология) – это прежде всего первичный язык описания определенного мира (онтологии), т.е. предметной области или части неязыкового мира, как некоего целого.

Литература

Куайн У.В.О. Онтологическая относительность / У.В.О. Куайн // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М., 1996. – С. 117–129.

Лебедев М.В. Стабильность языкового значения / М.В. Лебедев, А.З. Черняк. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 168 с.

Лебедев М.В. Онтологические проблемы референции. / М.В. Лебедев. – М.: Праксис 2001. – 186 с.

Макеева А.Б. Семантические идеи Х. Патнэма // История философии. №1. – М., 1997. – С. 98–131.

Фреге Г. Смысл и значение / Г. Фреге // Избранные работы. – М.: ДИК, 1997. – С. 56–71.

Russell B. On Denoting. / B Russell // Logic and Knowledge. – London, 1956. – P. 34–52.